

LIX—LX строфы первой главы „Евгения Онегина“

В конце первой главы «Евгения Онегина» дано лирическое отступление на тему о неразделенной любви. Нарисовав «безумную тревогу» страстей, Пушкин затем очерчивает состояние перехода от «бурных» непосредственных переживаний к сознательной творческой работе:

IX

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищущи союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует;
Перо, забывшись, не рисует
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет.
Я всё грущу: слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

X

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;

Эти строфы содержат одну из важнейших мыслей Пушкина о психологии творчества. Пушкин часто подчеркивал, что поэт может создать «прекрасное» только в том случае, если он в состоянии тщательно проконтролировать разумом свои эмоции. Отсюда вытекало известное пушкинское противопоставление вдохновения и восторга:

«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии... Восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому. Восторг не продолжителен, непостоянен, следовательно, не в силах произвести истинное великое совершенство (без которого нет лирической поэзии)»¹.

Однако в данной заметке мы не будем рассматривать оттенки творческого состояния, изображенного в цитированных строфах. Встанет вопрос: о каком произведении говорит здесь Пушкин?

Естественно предположить, что речь идет об «Онегине». В 1823—1824 гг. Пушкин действительно подчас определял его, как поэму (например, сообщил А. И. Тургеневу: «А я на досуге пишу новую поэму, «Евгений Онегин»²). Но «Онегин» уже начат, а его герой

¹ «Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» (1826—1827). Подчеркнуто Пушкиным.

² Пушкин — А. И. Тургеневу, 1 декабря 1823.

выбран и назван. Во II строфе первой главы Евгений был демонстративно представлен читателям:

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы... и т. д.

«Поэма песен в двадцать пять» — не «Онегин». Об этом свидетельствует один из черновых неотшлифованных вариантов описания смены творческих идей:

Я думал о создании плана
И как поэму назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу¹;

Тут четко разделены еще не сформировавшаяся поэма и «вытеснивший» ее роман в стихах².

Нам кажется, что, говоря о произведении, занимавшем его в пору работы над первой главой «Онегина», Пушкин имел в виду свой замысел «Тавриды».

Крымская тема опиралась у Пушкина на устойчивую литературную традицию. В конце XVIII и начале XIX вв. русские писатели упорно стремились положить ее в основу монументальных поэтических произведений. В 1798 г. С. С. Бобров выпустил длинную поэму «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонисе». Ближайший предшественник Пушкина Батюшков хотел сделать поэму о Тавриде своей первой большой вещью, лежащей за пределами «легкой поэзии» («Собираю все материалы и с о б и р а ю с ь» — писал он А. И. Тургеневу об этом так и не осуществленном намерении)³. В 1822 г. поэму «Таврида» начал Пушкин. Трудно сказать, как должна была развиваться его поэма. Но, повидимому, Пушкин задумал романтическую поэму с любовным сюжетом⁴. Сюда вошли бы эмоции, возникавшие в связи с воспоминаниями поэта о семье Раевских, с которой он путешествовал по Крыму, в особенности о М. Н. Раевской — женщине, сыгравшей исключительную роль в его жизни.

Повидимому, «безумная тревога» любви, сделавшаяся лирическим «предметом» конца первой главы романа, — это страсть Пушкина к М. Н. Раевской. Пушкин рассказал о ней и в XIXIII строфе первой главы (эпизод с волнами, лежащими у ног возлюбленной поэта)⁵, опять-таки выделив ее необычайную силу:

Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

¹ Первоначально было:

Но первую главу Романа
Теперь я кончил.

² Самое слово «уж» из окончательной редакции («Я думал уж о форме плана»), подчеркивающее близость поэта к началу систематической работы над текстом произведения, может относиться только к задуманной поэме, а не к быстро растущему роману.

³ Батюшков — А. И. Тургеневу, октябрь — ноябрь 1818. Подчеркнуто Батюшковым.

⁴ См. ниже прозаическую программу начала «Тавриды» и недавно включенный в поэму отрывок.

⁵ См. об этом эпизоде в «Записках кн. М. Н. Волконской», изд. 2, 1914, стр. 61—62.

Однако показательнее всего тот факт, что сохранившиеся куски «Тавриды» начинаются с констатирования творческого пробуждения, сменившего долгую «бурю страстей». Вступительное четверостишие общеизвестного отрывка «Тавриды» по своим образам и психологическим мотивам вполне аналогично LXI строфе первой главы «Онегина»:

LIX строфа первой главы «Онегина»

«Таврида»

Прошла любовь, явилась Муза, И прояснился темный ум. Свободен, вновь ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум;	Ты вновь со мною наслажденье. [В душе] утихло мрачных дум Однообразное волненье! Воскресли чувства, ясен ум.
---	---

В обоих случаях Пушкин фиксирует переход от внутренней смятенности к творческому разрешению душевного конфликта, предполагающему «разумное» аналитическое отношение поэта к собственным переживаниям (даже рифма «дум» — «ум» перешла из «Тавриды» в «Онегина»). Это сходство усугубляется тем, что вторая и третья строки отрывка «Тавриды»:

[В душе] утихло мрачных дум
Однообразное волненье!

закljučают образ «бури страстей», вырастающий в дальнейшем развитии LXI строфы первой главы «Онегина»:

И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет...¹

Тот же комплекс мотивов намечен в пушкинской записи, представляющей прозаическую программу начала «Тавриды»:

«Страсти мои утихают, тишина цар(ствует) в душе моей — ненависть, раскаяние, всё исчезает — любовь одушевл.»²

Все эти сопоставления дают право утверждать, что «поэма песен в двадцать пять», «о форме плана» и героях которой думал Пушкин, сочиняя первую главу «Онегина», — именно «Таврида»³.

В порядке гипотезы можно высказать некоторые соображения о судьбе «Тавриды».

По каким-то причинам Пушкин прервал работу над поэмой о неразделенной любви. И его творческие «заготовки» стали понемногу «рассредоточиваться», находя новое применение. Строки и образы «Тавриды» переключивались в другие пушкинские вещи. Так, блистательный пейзаж Крыма, завершающий общеизвестный отрывок «Тавриды»:

Счастливый край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга...

¹ В черновых вариантах LXI строфы первой главы «Онегина» Пушкин дважды повторяет эпитет «мрачный», в данном контексте также восходящий к «Тавриде» («И прояснила мрачный (?) ум», «И скоро бури мрачный след». Ср. в «Тавриде»: [«В душе] утихло мрачных дум». (Курсив наш. — Н. Ф.).

² Запись в тетради № 2366 7, лл. 13₁ и 13₂ («Рукою Пушкина». «Academia», 1935, стр. 293).

³ Возможно, что ироническое определение размеров поэмы было пародийным откликом Пушкина на растянутость «Тавриды» Боброва. В черновых вариантах Пушкин сделал совсем гиперболическим предполагаемый объем своего произведения:

Тогда-то я начну писать
Поэму песен в 35.

явно «переселился» в финал «Бахчисарайского фонтана»:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса,
И струй и тополей прохлада;

Приведем другой пример. Как недавно установила Т. Г. Зенгер, в состав «Тавриды» должен быть введен еще один отрывок. Этот любопытный кусок «расколовшейся» крымской поэмы показывает, что Пушкин перенес из нее в роман стихи, посвященные М. Н. Раевской:

«Таврида»

XXXIII строфа первой главы «Онегина»

Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем
Лобзать уста молодых Цирцей,
И перси, полные томленьем¹.

Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;

В LX—LIX строфах первой главы «Онегина» тема начального четверостишия «Тавриды», связанная с особым пониманием психологии творчества, в последний раз прозвучала у Пушкина, влившись в форму лирического отступления². И хотя Пушкин считал возможным возвращение к своему замыслу и обещал читателям в недалеком будущем сочинить «поэму песен в двадцать пять», мотивируя «задержку» тем, что «буря страстей» еще не вовсе улеглась, он так и не принялся за «Тавриду»³. Это логически вытекало из общей художественной эволюции Пушкина, постепенно отказывавшегося от романтизма и переходившего к объективному реалистическому изображению жизни⁴.

Доц. Н. Фридман,
Кафедра русской литературы

К историко-литературной характеристике антинигилистического романа

(Диалогия Вс. Крестовского „Кровавый пух“)

Антинигилистический роман 60—70-х гг., представлявший характерное явление «заднего плана» литературной эволюции этого времени, почти не подвергался историко-литературному анализу. Нельзя сказать, чтобы он вообще не обращал на себя внимания историков литературы⁵.

¹ Цитируем только конец отрывка.

² Ставший предметом споров в специальной литературе вопрос о том, была ли онегинская строфа «заготовкой» для «Тавриды», не рассматривается нами ввиду ограниченности размеров заметки.

³ Заглавие «Таврида», конечно, могло быть для Пушкина неокончательным. Об этом говорят приведенные выше строки черного варианта:

Я думал о создании плана
И как поэму назову.

⁴ Автор выражает глубокую благодарность Т. Г. Зенгер за предоставленную ему возможность ознакомиться с новым отрывком «Тавриды», приготовленным к печати для академического издания Пушкина.

⁵ Ср., напр., т. II известного исследования о Толстом Б. Эйхенбаума и статью А. Цейтлина в журн. «Литература и марксизм» № 2 за 1928 г.

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ДОКЛАДЫ и СООБЩЕНИЯ

Филологического факультета

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

ИЗДАНИЕ МГУ
МОСКВА—1947